

Ань Чанъюй, будучи самым старшим, никогда не обижал его и Ань Сяньюй, в отличие от остальных братьев и сестер. Если они случайно сталкивались в поместье, он всегда мягко улыбался. В то время Ань Чанцин по наивности полагал, что старший брат его не ненавидит, и даже пытался сблизиться с ним. Но однажды его напугал внезапно похолодевший взгляд Ань Чанъюя, и с тех пор он больше не смел искать его общества.

Лишь потом Ань Чанцин постепенно понял, что старший брат отнюдь не питал к нему теплых чувств. Он лишь поддерживал видимость доброжелательности, храня достоинство и степенность, подобающие старшему сыну от законной жены.

Вот и в этот раз: вернувшись домой, брат наверняка уже выслушал от госпожи Ли историю их недавних раздоров. И все же он умудрялся с искрящейся дружелюбием улыбкой вести с ним светскую беседу и даже предаваться воспоминаниям о былом.

Взгляд Ань Чанцина слегка похолодел, и он равнодушно произнес:

— В отличие от тебя, брат, я считаю, что сейчас мне живется куда свободнее, и вовсе не испытываю ностальгии по детским годам.

Улыбка Ань Чанъюя на мгновение застыла, но он тут же продолжил:

— А как же Хайюнь? По кузену Хайюню ты тоже не скучаешь?

Ань Чанцин слегка прищурился:

— По кузену Хайюню?

— Именно, — со вздохом промолвил Ань Чанъюй. — Прошло столько лет, и надо же: после Нового года семья Хайюня собирается приехать в Ецзин. Ты ведь еще не знаешь? Хайюнь расторг прежнюю помолвку. Сказал, что сначала сдаст государственные экзамены и получит чин, а уже потом женится на той, кого любит. Вот только жаль...

Он умолк на полуслове и многозначительно посмотрел на Ань Чанцина, словно колебался, стоит ли продолжать.

Однако Ань Чанцина это ничуть не тронуло. Ли Хайюня он помнил. Это был сын брата госпожи Ли, который однажды некоторое время жил в поместье семьи Ань. Весьма утонченный и симпатичный ученый-книжник.

Пожалуй, единственное, чем он запомнился, — это своей чрезмерной склонностью к печали и поэтической тоске. После одной случайной встречи в галерее Ли Хайюнь стал часто приглашать его вместе любоваться пейзажами и сочинять стихи. Из уважения к госпоже Ли Ань Чанцин не мог отказаться, поэтому ему приходилось сидеть рядом и слушать чужие приторные и непонятные стихи.

Впрочем, Ли Хайюнь относился к нему неплохо. И все же, наученный горьким опытом общения с Ань Чанци во главе, Ань Чанцин подсознательно настороженно относился к людям, промышлявшим излишней инициативой, поэтому их отношения нельзя было назвать близкими.

Ань Чанцин толком не понимал, к чему Ань Чанъюй завел разговор о Ли Хайюне, поэтому лишь вежливо ответил:

— Вот как? В таком случае желаю кузену Хайюню поскорее сдать экзамены и жениться на

возлюбленной.

Что же до недосказанных слов Ань Чанъюя, то их он попросту проигнорировал.

Ань Чанъюй поперхнулся и с нескрываемым замешательством произнес:

— Хайюнь часто с теплом вспоминает о тебе, а ты, оказывается, давно выбросил его из головы и даже не интересуешься его женитьбой.

Ань Чанцин изумился еще сильнее:

— Но ведь о браке кузена Хайюня позаботятся его родители и наша матушка. С какой стати мне вмешиваться?

— ...

Ань Чанъюй пришел, чтобы выведать его мысли, но фасад невозмутимости третьего брата стал настолько совершенным, что вытащить из него хоть какую-то зацепку оказалось невозможно. Не достигнув цели, он лишь выдавил из себя сухой смешок:

— Ванфэй прав. Но когда Хайюнь приедет в столицу, ванфэй обязательно должен оказать честь и прийти на нашу небольшую встречу.

Ань Чанцину казалось, что в этом постоянном упоминании Ли Хайюня кроется подвох, но где именно — понять не мог. Ему оставалось лишь уклончиво ответить:

— Если будет время, я обязательно приду.

Они расстались на повороте коридора: Ань Чанцин направился к Ань Чжикэ, а Ань Чанъюй ушел в задние покои.

В приемной зале его уже ждал Ань Чжикэ. При виде сына выражение его лица несколько изменилось.

Заметив его мрачный вид, Ань Чанцин непринужденно сел и с улыбкой спросил:

— Отец позвал меня, чтобы обсудить помолвку Юй-эр?

— Да, — едва сдерживая гневливый порыв, Ань Чжикэ был вынужден выдавить: — У Цзюньшу нечестив душой и переступил закон. Ныне его лишили чинов и званий, а поместье маркиза Чжунъюна подверглось конфискации. Он абсолютно не подходит на роль супруга.

Ань Чанцин согласился:

— Верно. В таком случае пусть отец вернет обручальный залог семье У. — С этими словами он достал из рукава нефритовый подвесок и протянул его.

Приняв нефрит и видя совершенно спокойный, уверенный вид Ань Чанцина, Ань Чжикэ до скрипа сжал зубы от злости. Однако, привыкнув держать фасон, даже пылая внутренней ненавистью, он сохранял чинный и благородный вид:

— Ванфэй может быть спокоен, ваш отец обо всем позаботится.

Ань Чанцин мысленно ухмыльнулся. По дергающемуся уголку глаза отца он понял, что тот еле

сдерживает кипящую ярость.

Оба дома были обручены давно, дело шло к свадьбе. Если бы семья Ань расторгла помолвку раньше — когда У Цзюньшу уличили в драке с собственным дядей из-за вдовы, — они бы сохранили лицо, упрекнув жениха в аморальном поведении и содержании любовницы. Но теперь поместье маркиза Чжунъюна разорено, а сам У Цзюньшу потерял должность. Семья Ань не заикалась о расторжении ни раньше, ни позже, а решила сделать это именно сейчас. Клейма корыстных лицемеров, бросающих союзников в беде, им теперь не избежать.

Особенно учитывая, что раньше канцлер Ань поддерживал весьма близкие отношения с маркизом Чжунъюном. Теперь, когда старый друг попал в опалу, канцлер не то что не подал руки, а поспешил оборвать все связи и добить упавшего. Этому поступку суждено было нанести серьезный удар по безупречной репутации канцлера Ань.

Зато, приняв весь удар на себя, он уберезит Ань Сяньюй от лишних сплетен. На этот раз Ань Чанцин улыбнулся совершенно искренне:

— В таком случае рассчитываю на тебя, отец.

Выйдя из дома семьи Ань, Ань Чанцин почувствовал невероятный прилив сил и облегчение. Проезжая по улице Юнлэ, он специально заглянул в лавку «Саньвэйчжай», чтобы купить сладостей. Лавочник в «Саньвэйчжай» расплылся в улыбке до ушей и во что бы то ни стало решил подарить ему бутылочку нового сливяного вина. Когда Ань Чанцин попытался заплатить, тот наотрез отказался брать деньги, повторяя лишь: «Если ванфэй понравится, приходите еще!». Ань Чанцину ничего не оставалось, кроме как подняться в экипаж с двумя коробками сладостей и бутылкой вина.

Однако у самой кареты он обнаружил, что кучеру тоже насовали кучу всего: шелковые цветы, яйца и даже увесистый кусок свежей свинины. Не зная, кто именно принес все это, Ань Чанцин огляделся вокруг, но простые горожане лишь тепло улыбались ему. Беспомощно вздохнув, Ань Чанцин сложил руки перед собой в благодарственном жесте:

— Спасибо всем за щедрость, но в следующий раз, пожалуйста, не стоит так тратить. Оставьте это для ваших семей.

В конце концов, яйца и свинина стоят немало, далеко не каждый дом может позволить себе такое каждый день.

С этими словами Ань Чанцин немного подумал, забрал все вещи в карету и лишь затем велел кучеру трогаться в поместье князя.

Едва они отъехали, как в толпе кто-то радостно воскликнул:

— Это была моя свинина! Ванфэй принял её!

Кто-то закатил глаза:

— Ту Лаоцай, ну ты и бестолочь! Мясо же жирное, в крови вся, а ты посмел сунуть его ванфэй! Скажи спасибо, что ванфэй такой добрый, а то приказал бы высечь тебя прямо здесь!

Мясник по прозвищу Ту Лаоцай заносчиво выпятил шею и выкрикнул в ответ:

— А толку от ваших шелковых цветов?! Свинина — вот это настоящий, полезный подарок!

Свинина ведь такая вкусная, да к тому же дорогая!

Автор хочет сказать:

Но-но: Сегодня мне фанаты прислали столько подарков! И шелковые цветы, и яйца, и даже свинину! Свинина сейчас такая дорогая! А твои фанаты что тебе прислали?

Сонсон: ... (Ничего. Совсем ничего.)

Ань Чанцин вернулся в поместье князя с целой каретой подношений. Ван Фугуй, выдворный навстречу с людьми, опешил при виде этой разношерстной груды, а когда заметил среди прочего огромный кусок свинины, его лицо выразило нечто совершенно неопишное.

— Ванфэй, эти вещи...

— Это все подарили жители Ецзина, — пояснил Ань Чанцин. — Еду отправь на кухню, а прочее раздай слугам. Люди дарили от чистого сердца, не стоит переводить добро.

Ван Фугуй явно не ожидал, что все это — дары от простого народа, и на мгновение оцепенел. Все-таки их хозяин, Бэйчжань-ван, всегда держался отчужденно, и поместье Бэйчжань-вана никогда не ведало подобного расположения от горожан. Ван Фугуй слышал, конечно, что почитаемых чиновников народ иногда осыпает цветами на улицах, но то были лишь слухи, а сам он видел такое впервые.

И откуда только взялась эта вспыхнувшая в его груди гордость и радость? Он с готовностью отозвался и велел слугам отнести продукты на кухню: если проверка покажет, что все безопасно, их как раз подадут к ужину.

Сяо Чжигэ, прознав о возвращении ванфэй, направился к воротам встретить его, но по пути услышал, как у обочины шепчутся две-три служанки:

— Столько шелковых цветов! Наверное, ни один молодой господин в Ецзине не сравнится с нашим ванфэй?

— Да-да! Ванфэй и собой хорош, и душой добр. Раньше, когда я увидела, как он расправился с Яньхун и остальными, думала, ему будет трудно угодить.

— Так у Яньхун и тех девок дурные помыслы были! Любой хозяин на его месте наказал бы их! Как ни крути, а ванфэй милосерден — прогнал только Яньхун... Ты сама посмотри: нам, честно исполняющим свои обязанности, разве ванфэй хоть раз доставлял неприятности?